

ИРИНА ЛАЗАРЕНКО

МАГИЯ ДРУЖБЫ

Москва
«Снежный Ком»
2018

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
Л17

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

Лазаренко, Ирина

Л17 Магия дружбы: роман / Ирина Лазаренко. — М. : Снежный Ком М, 2018. — 352 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-9500850-1-7

Никто не знает, сколько правды в историях про демонов, что понемногу захватывают и меняют землю. Ясно одно: мир становится иным, и охранявшие его духи уходят в другие края. Но мало кто верит в грозящую опасность.

Между человечеством и чуждой угрозой остаются только маги. К тому же маги не всегда хорошо относятся к людям, а люди не всегда рады магам. Похоже на «Ведьмака» Сапковского? Да! Но здесь их пятеро — пятеро юных магов и магинь, отягощенных более собственными задачами, чем спасением мира. И что должно произойти, чтобы маги захотели принять на себя груз ответственности за целый мир?

Встречайте первую книгу цикла «Неизлечимые», написанную в лучших традициях классической фэнтези!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9500850-1-7

© Лазаренко И., 2018
© ООО «Снежный Ком М», 2018
© Оформление. Олин М., 2018

Вопрос доверия

(сразу после выпуска)

Нужно обратиться к магу за избавлением от этой напасти, ибо маги, хоть и не всецельные, обладают поразительными возможностями. К тому же они весьма дружелюбны, очень ответственны и никогда не оставят человека наедине с его бедой.

*Из обращения жреца ортайского
поселка к жителям*

Жрец — осёл!

Написано пальцем на слое золы

Дом горел.

Шумно и дымно, под завывания ветра, который хватал горсти злых красных искр и пытался добросить их до крыш соседей.

Вокруг дома металась женщина, кричала, снова и снова рвалась внутрь, и всякий раз ее с руганью отгаскивали.

Речка была рядом, за околицей, туда-сюда бегали люди с ведрами, но вода бестолково лилась на стены, не доставая крыши.

— Р-разбежаться!

Никто не понял, откуда появились двое всадников — возникли как по волшебству среди суетящихся людей.

— Посторониться!

Всадники спрыгнули наземь и принялись выкрикивать слова на незнакомом селянам напевном языке, раскидывать

руки, словно большие встревоженные птицы. В первый вздох их приняли за безумцев, потом — за непотребцев, что пришли упиться чужим горем.

А потом на горящий дом полилась вода — размашистыми плесками, будто два пришлых человека таскали ее из реки в невидимых глазу ведрах.

— Маги! — наконец догадался кто-то.

Незнакомцы расхохотались, будто услышав отменную шутку.

А дом вел себя так, словно в него вселилась злая сущность, которой хотелось гореть: там и сям занимались уже погасшие части крыши, потом пламя рванулось из окон. Можно было поклясться, что огоньки норуют вернуться от плещущей воды. Ветер тоже озлился, бросался на людей с отчаянной силой, и те пригибались, шурились, задерживали дыхание. С треском рухнула часть крыши.

— Сбоку, гляди, из окон! — орал один маг другому, и в голосе его был непонятный, неподдельный восторг.

Люди тоже что-то кричали, но маги не слышали их голосов за воем огня и ветра, за рыданиями женщины.

— Ох и силен! А два ведра махом? Слабо?

— Мне-то слабо? А вот тебе!

Вокруг дома натекали лужи, маги продолжали призывать воду из речки, а в их голосах, выкрикивающих заклинания, звучал чистейший, почти детский задор.

И пожар сдался. Перестали проклевываться новые огоньки, подуспокоился ветер — словно недобрая невидимая сила сдалась двоим неутомимым магам, решила восполнить неудачу в другой раз.

Огонь затух, по стенам лилось, утихающий ветер нес по селу клоки дыма.

Черпнув из реки еще по разу, маги утомонились, отступили. Утирали лбы, тяжело дыша, словно не колдовали, а бежали с ведрами. Одинаково мотали головами, и их длинные волосы, темные у человека и светлые у эльфа, закрывали лица.

Потом оглядывались вокруг с гордостью, будто говоря: «Как мы его, а?»

Селяне глядели на магов восхищенно и снизу вверх, потому что оба были выше местных жителей.

Наступившую тишину пронзительно и жутко вскрыл женский крик. Он взвился: «Матушка, матушка!» — и тут же упал, перейдя в тяжелый нечеловеческий вой.

Женщина была грузная и простоволосая, сидела прямо на земле, край длинной юбки — в луже. Сидела, подавшись вперед, смотрела на свою выжженную хату и выла.

Прежде это был хороший дом, большой, аккуратный, чистый. Строился и обживался с любовью, не был обделен ни добром, ни уходом. Теперь на его месте дымило безобразия: почерневшее, вонючее, перекошенное.

— Он похож на мертвягу, — темноволосый маг дернул эльфа за рукав. — На дом-мертвягу.

— У тебя невообразимая способность соотносить что угодно с чем попало, — помолчав, ответил эльф.

Ветер встрепал его длинные светлые волосы, маг поморщился и снова заправил прядь за левое ухо, в котором блесла сережка-петелька.

К женщине подошел сутулый пожилой мужчина, сел рядом на землю, положил руку на плечо, тихо заговорил. Она вцепилась в его пальцы и замолчала, давась глухими страшными всхлипами.

Потянулись к погорелице односельчане. Одни присаживались рядом и что-то шептали, другие молча касались ее руки. Несколько мужчин ходили вокруг дома, переговариваясь. Из ближайшего двора вышла женщина, поднесла магам кринку холодного молока из подпола и ковригу, завернутую в ручничок.

Все селяне, даже утешающие погорелицу, бросали на незнакомцев любопытные, жадные взгляды. Девушки потихоньку сбивались стайками, подталкивали друг дружку локтями.

Ветер уже разогнал дым, и стало видно, что маги и молодые, и хороши собой. У эльфа черты лица резкие, кожа чистая и светлая — от солнца начал шелушиться нос, и выглядит это смешно, потому что вид у эльфа очень надменный. Впалые щеки придают лицу сходство с кошачьим, глядит он спокойно, прямо — и мимо, как будто деревня, пожарище и люди не настоящие, а нарисованные на развешанных вокруг него картинах. У второго парня лицо открытое и улыбочное, его не делает старше даже темная щетина на щеках, и хочется немедленно улыбнуться ему в ответ и безоглядно поверить, даже понимая, что блеск в его светлых глазах — шальной, а нрав — дурной и своевольный, какой бывает у подросших щенков.

Оба были одеты по-простому, по-дорожному, но с иголочки, а поверх рубашек у них висели знаки Магической Школы, новенькие, блестящие. Маги осматривались с таким же неподдельным интересом, с каким местные глядели на них. Хотя в селе не больно-то много было такого, на что можно посмотреть. Две неширокие утопанные улицы, старенькие хаты из глины и соломы, плотные дощатые заборы и ветки плодовых деревьев над ними.

Эльф допил молоко, вернул кринку и спросил темноволосого:

— Едем?

— Поехали, — согласился тот. — Здесь мы всё уже смогли, дальше грустно будет.

Эльф окинул взглядом улицу, смотря поверх голов селян, повернулся и пошел к лошадам, которые щипали траву у ограды. Темноволосый жизнерадостно улыбнулся всем разом:

— Ну...

— Погодите! Погодите!

От сгоревшего дома к ним бежал тот седой мужчина, что первым подходил к погорелице.

— Фух! Не упустил! Только скумекал, что нынче ж я за старшего, пока Ухач, голова наш, в отъезде! — Он суетливо пригладил седые длинные пряди, отряхнул штаны. — Жрец я, Бедотой звать. Помогите нам с водником замириться, а?

Темноволосый посмотрел на эльфа. Эльф прикрыл глаза ладонью.

— А то совсем свихнутый водник стал, спасу нет! — распаляясь, продолжал жрец. — То утопарь в колодце окажется, то жабы с неба повалятся! А теперь вона чего сотворил: хату Маланыну сжег! Харысю живцом — в головешку! Это ж водник нам пожар устроил!

Эльф поднял очи горе, словно спрашивая Божию, чем провинился перед ней.

— Да-да! — еще повысил голос Бедота. — Водник! С утра как поперло из речки цельное посланчество утопарей! Да на село!

Эльф, продолжая глядеть мимо жреца, лениво спросил:

— Как вы связываете утопарей с возникновением пожара?

Несколько вздохов жрец осмысливал вопрос.

— А! Так мужики побежали, стали швырять в поганцев горящие ветки!

— И поганцы взлетели, — предположил ничуть не впечатленный эльф.

— Не взлетели, а поразбеглись! А тут ветрище как налетит! Да самую толстую ветку р-раз! Подхватил — и в крышу! И как понесет огнище!

— Ого! — оценил темноволосый.

Глаза у него заблестели и даже, как показалось Бедоте, стали ярче — не серо-голубыми, а почти синими. Похоже, история начинала нравиться магу — не меньше, чем горящий дом.

Эльф скривился. В молодости Бедота немного поездил по Ортаю и явственно видел, что есть в этом эльфе какая-то неправильность, но какая — жрец не мог понять.

— Подсобите нам ужиться с водником, а? Помогите узнать, чего ему надо, дурнине! Помыслить же страшно, чего он дальше выкинет, если так все оставить!

— Не берусь предположить, почему вы обращаетесь к нам с этой просьбой.

— Так вы ж маги, — сказал жрец таким тоном, словно это было достаточно. — А сами мы знать не понимаем, как с призорцами столкнуться. Не выходит к нам водник, не хочет. Или зовем его не так, или осерчал на что.

— Вызвать водника? — переспросил темноволосый. — Так это легко. Вас тут бабки ничему не учили разве?

Жрец развел руками.

— Странное дело: глухомань глухоманью, а люди беспамятные, — парень произнес это, обернувшись к эльфу, но тот лишь равнодушно пожал плечами. — Нам говорят, на окраинах устои сохраняются, а на деле окраинцы не умеют даже водника вызвать. Это как понимать, а?

— Да не было раньше нужды, — зачастил жрец. — Прежде с призорцами травница водилась, она на отшибе жила, у опушки. Что они скажут — травница придет да повторит, а мы сделаем. Ежели чего для села надо — она призорцев попросит. А как травница померла, так понемногу и забылся порядок... Так вы подсобите? Нам узнать бы, чего ему надобно, воднику!

Темноволосый маг, вопросительно изогнув бровь, обернулся к эльфу. Тот скучаяще глядел вдаль.

— Была охота возиться, — произнес, не поворачивая головы. — Меня в Эллоре ждут.

Поняв, в чем ему виделась странность эльфа, Бедота едва не хлопнул себя по лбу. Маг выглядел как оседлый эльф: высокий рост, длинные волосы, обычная одежда, да тот же знак Школы, к которой уроженец Эллора и близко не подойдет. Но говорил и держался он именно как эллорец, да и серьги в ушах оседлые эльфы не носили. Ортайское семейство

эльфов, сохранившее связь с исконцами, догадался жрец. Раз или два в год ездят пожить в эллорском пределе, что на востоке Ортая. Понабираются там всякого — и нос дерут потом выше сосен. Гордятся, что они, единственные из всех рас, хранят родовые традиции. При этом сами оседлые чтут Божию, а не эльфийских предков. Каша у них в голове, да и только!

— Ну, ждут — значит ждут, — решил темноволосый, улыбнулся жрецу. — Выходит, мы дальше поедем.

— А как же водник? — опешил Бедота.

— Быть может, в другой раз.

Парень помахал сгрудившимся поодаль селянам, будто не замечая отчаянной мольбы в их глазах, и пошел к своей лошадке. Эльф кивнул с явным облегчением, словно говоря: «Наконец-то!» Взлетел в седло легко и красиво, вызвав отчетливое девичье «Ах!» из толпы.

— Погодите! — отчаянно вскричал жрец. — Давайте срядимся!

Эльф даже ухом не повел, но темноволосый замешкался.

Что посулить магам за помощь? Бедота в первый вздох растерялся. Предлагать деньги полуэллорскому эльфу бессмысленно: не возьмет даже при отчаянной нужде. Да и откуда серьезные деньги в глухом селении? Что вообще у них есть? Огороды да скот, соленья в бочках да соты медовые... Наконец нашелся:

— Кристаллами отдарим!

Темноволосый присвистнул. Эльф развернул коня, подышал. Впервые он смотрел на жреца, а не поверх его головы, и оказалось, что серые глаза мага вовсе не холодные, а живые, умные, цепкие.

— В округе есть порталы?

— Аж три штуки!

Маги переглянулись.

— Но только не близко, — быстро уточнил жрец, — а летом детей не пускают, сами понимаете: работе время,

дурачеству остаток. Так что, не сердчайте, доведется выбирать из тех камней, что скоплены.

— А скоплено порядком, — закончил за него темноволосый. — Куда вам их тут девать-то? До ближнего города два дня верхом, а телегой...

Жрец усмехнулся. Маги снова переглянулись и кивнули друг другу.

— Ну что тут скажешь — встрявши! — бодро заключил темноволосый и приложил четыре пальца правой руки к левому плечу в вежливом приветствии мага к нанимателю. — Я Шадек.

Эльф легко спрыгнул наземь и, вопреки ожиданиям жреца, размашисто повторил жест.

— Я Кинфер. Надеюсь, вы позаботитесь о приличной избе и достойном столе для нас?

Бедота снова удивился: имя у эльфа было не эллорское. Обычное имя выходца из восточного Орта.

— И Кристаллы вперед! — быстро добавил Шадек.

— Хорошо, хорошо! — нетерпеливо согласился жрец. — Все будет вам, чего скажете, — помогите только!

* * *

— Зачем ты притащил меня сюда? — шепотом негодовал Кинфер. — Я не умею говорить с призорцами. И в воду не полезу!

— Да он сам к нам вылезет, — Шадек хорошенько размахнулся, зашвырнул в реку камень, приложил ко рту ладони и принялся издавать непонятные эльфу гортанные вопли. Кинфер смотрел на друга с опаской и уважением.

Выждав немного, Шадек повторил призыв. Потом еще раз. И удовлетворенно кивнул, когда из глубины речки, куда упал камень, появились частые крупные пузыри, потянулись к берегу.

Из воды вынырнул старикан — грузный, неопрятный. На голове — кривой рог нездорового вида, на висках — чешуя.

Он огляделся, вперил в магов пустой взгляд рыбьих глаз да неспешно подплыл ближе, слегка шевели плечами.

— Не могу сказать, что подобное зрелище мне приятно, — Кинфер брезгливо поморщился.

Старик остановился по пояс в воде, не доходя до прибрежных зарослей осоки, скрестил на груди толстые руки.

— На себя-то погляди, красотка волосистая, — голос у него был хриплый, будто в горле застряла рыба кость.

Кинфер хрустнул пальцами.

— Водник знает общую речь? — обрадовался Шадек. — Это сильно облегчает дело!

— Всё ваши Странники булькучие, — неохотно пояснил рыбоглазый. — Расползлись по свету, тонут где ни попадая, торчат на своем, раков пугают. А говор-то липучий, спасу нет... Зачем звали?

От водника нестерпимо смердело тиной. Ветер, как нарочно, дул к берегу.

— Поговорить хотим, — Шадек прищурился. — Про село, жабий дождь, утопаря в колодце, дом горящий. Ничего не хочешь рассказать?

— Не тяни, чаровник, чешуя сохнет.

— Врешь ты все, — встрял Кинфер и снова хрустнул пальцами, — ничего чешуе твоей не сделается! Да и сам знаешь, зачем был зван!

По речной глади мощно хлестнул коровий хвост и снова скрылся в воде.

— По нраву ты мне, чаровник, ну прям страсть до чего по нраву-то! Люблю таких смелых да грамотных, потому как долго они не живут, а у меня в хозяйстве-то молодь всегда пригодится. Молоди у нас везде дорога: косяки пасти, сомову чешую чистить, селян пугать опять же...

Левое ухо Кинфера, не скрытое волосами, порозовело, и Шадека это явственно встревожило.

— Хорош свариться, не за тем пришли!

— Шадек, да он же нарочно задирается!

— Кинфер, цыц! Говори, дядька-водник, зачем страху нагнал на селян?

Услышав уважительное обращение, рыбоглазый довольно прищурился, но отвечать не торопился. Покачивался на воде круглобким чешуйчатым бочонком и смотрел на магов мертвыми желтыми глазами.

Губы Кинфера сжались узкой полоской, у рта прорезались морщинки.

— Не вздумай, — вполголоса бросил Шадек.

— А чего у эльфа-то уши красные? — прохрипело из речки. — Нешто злобится?

— Да катись это село к демоновой матери! — заорал Кинфер. — Вместе с лесом, болотами и этим тьюкал'лим сыном волосатого тор-ка!

— Поговорили, — Шадек махнул рукой, сел на песчано-травяной бережок и принялся дергать метелки из манницы.

Однако водник, против ожиданий, не озлился и не ушел обратно под воду, а рассмеялся, загудел «Ого-го!» и зашлепал ладонями по воде. Брызги полетели во все стороны, частью попадая и на эльфа.

— Вот это дело, вот это по-людски! А то встал на бережку чаровник-то эльфский, такой важный, хоть картины пиши с него! Э?

— Переверни тебя и шлепни пузом на воду, презренный фай'ка мом, — сквозь зубы процедил Кинфер и уселся рядом с Шадеком.

Водник ослабил, показав зеленоватые сточенные зубы. Тинный дух стал гуще.

Шадек выплюнул колосок и спросил:

— Ну так что, будем говорить или чешую сушить?

— Говорить, — сжалился водник. — А чего селяне сами-то не пришли, прислали вместо себя приبلуд молодых

каких-то? Небось совестно им поглядеть в глаза дядьке-воднику? А придется ведь, ох и придется-то!

— С чего это им должно быть совестно? — возмущился еще не остывший Кинфер. — Поганцев на село нагоняешь ты, а стыдиться должны они?

— Да вы еще дурнее, чем кажется! — воскликнул водник. — И селяне-то, выходит, тоже? Они думают, я им озорую?

— Они думают, ты им опсихел, — любезно уточнил Шадек. — Иначе отчего все это? Утопари, жабы. А факел в крышу? Это ж ты, выходит, с другим призорцем сговорился — с полевиком, с лешим? Зачем?

— Никакого понимания, — скорбно отметил рыбоглазый. — Ни почета дядьке-воднику, ни этого... сожизнчества.

Маги переглянулись. Водник проплыл туда-сюда вдоль берега, заложив руки за спину. На боках у него тоже имелась чешуя — тусклая, неплотно прилегающая к телу.

— И ведь мне еще не хуже многих! Вон приятель-багник по весне в Даэли утек, пока не поздно. Там дриады призорцев привечают, почитают. А у нас, в Ортае, чего? — Водник так зыркнул на магов, словно вся вина лежала на них двоих.

— А чего? — послушно спросил Шадек, хотя и сам знал ответ.

— Да порядку не стало! Позакрылись в городах за заборами, все бегом-скачком, призорцев не чтите, обычаев не помните. А мы-то не можем так! Не живем в суете промеж стенами! В старых деревнях, в глуши — еще как-то, да и то уже больше в привычку, чем с пониманием. Хатники, банники, хлевники — те пока держатся, про тех еще помнят. Хатнику молока отжалеют, хлевнику вечерю в ясли положат, баннику краюшку хлеба оставят. А вот как вести себя — про то у людей уже памяти нет. Чтоб ругань в хлеву стояла — мыслимо? А потом дивятся, что у них скотина худеет!

— Я понял, — вполголоса произнес Кинфер. — Они тут все прискорбные на голову.

— Ну а нам-то, природным призорцам, и вовсе житья не стало! Про нас вроде как знают — но не верят, не почитают, обычаи позабросили. Чистая безобразность! Приходят к реке без гостинцев, удила не окуривают. Соберутся в лес — поклонятся кое-как и кланчат хорошей охоты. А гостинец? А кровушку? Гонят скот на выпас — протараторят скоренько, сохрани, мол, и все тебе! Хлеба-соли жалко на угощение? Ну а когда они мельницу поставили, курицу не прикопавши, — я уже не стерпел! И полевика поднял, и лешего — теперь мы им покажем, как мавки кочуют!

— Ты почему жрецу все это не сказал? — рассердился Шадек. — Почему к нему не выплыл?

Водник насупился, выпятил вислые губы. Под ушами у него набухли кожаные мешки, сделавшие старика похожим на жабу.

— Долго они злили нас, да крепко озлили. Или все возвернется да станет по-прежнему, как при дедах было заведено, или сживем село со свету, ясно?

— Зачем злиться, когда можно помириться, а, дядька-водник? Объяснить, воспитать...

Старик нетерпеливо замотал головой, и на воду посыпалась подсохшая ряска.

— Мы призорцы, а не няньки, чтоб каждого учить, да и нет наших сил в таком-то неверии. Из последних стоим. Но не ждите, не отступимся! Что трое нас — так то лишь начало, домашние призорцы тож подтянутся, не отсилятся! Жабий дождь, дом горящий? Да это мы еще не раззадорились! Будут вам и потопы, и пожарища, и саранча голодная! И скот поляжет, и зерно сгниет, и света белого невзвидите!

— Вот была же охота так надрываться, — Кинфер произнес это, не открывая глаз. — Перебрались бы в Даэли вслед за багником, да и жили себе спокойно.

Эльф сидел, закинув голову, жмурился на полуденное солнце. Шадек готов был поручиться, что друг еще и мурчит

тихонько. Вот кто б говорил про прискорбных на голову, а Кинфер молчал бы!

Из-под воды в туче брызг снова взвился коровий хвост, змеюкой мотнулся туда-сюда.

— Отчего это мы должны уходить? Тут появились, тут и пригодились. Не нравятся наши порядки — сами пусть убираются!

Кинфер открыл один глаз, оглядел раздувшегося водника.

— Шадек, по-моему, он не шутит.

Старик фыркнул, погнав новую волну тинного запаха.

— Хорошо, дядька. Что должны сделать селяне? Принести вам подарки, угощения, что-нибудь пообещать, пляски устроить?

— Жертвы, — тихо и хрипло ответил старик.

От этого слова дохнуло такой жаждой, что даже у Кинфера по спине побежали мурашки.

Водник протянул к магам руку, растопырил пальцы с длинными кривыми ногтями, мягкими от воды.

— Малой кровью нам не замириться. Пускай на рассвете приходят, приводят козу и теленка. И до той поры чтоб ничего не просили: ни улова, ни охоты, ни травы для скота. И духу людского чтоб не было вперед жертвы, не то хуже будет!

В камышах поднялся шелест, прошла рябь по воде, ветер пригнул прибрежную траву. Водник медленно опустил руку.

— Слово мое не возвратно.

Шадек еще несколько вздохов глядел на него, потом поднялся на ноги.

— Я услышал тебя, дядька-водник, — сунул руки в карманы штанов, кивнул Кинферу. — Пойдем.

Вопреки ожиданиям эльфа, друг не стал прощаться с рыбаглазым. А тот, тоже вопреки ожиданиям, продолжал стоять по пояс в воде и смотреть магам вслед, пока они не скрылись за оградой.

До возвращения своего головы селяне решать не взялись. Загнали с выпаса гусей и немногочисленный скот, и даже кур хозяйки заперли в курятниках, чтоб те ненароком не выбрели за ограду. Траву, скошенную утром, ворошить не пошли, побоялись. Притихшие люди суетливо задабривали го-стинцами своих банников, хлевников и хатников, даже если не знали точно, есть ли в их хозяйстве призорцы. Те не показывались и никак своего отношения не проявляли. Только из одного двора хлевник погнал маленькую лохматую собаку — она вылетела на улицу с визгом, метнула по земле пушистым хвостом и тут же села, принялась чесаться.

Маги, душераздирающе вздыхая, шатались туда-сюда по улице. Бедота упросил их задержаться: жрец полагал, что с селянами водник так и не станет говорить, тетешка свою обиду. И что поутру будет надежней иметь рядом магов, с которыми вредина-призорец уже общался. Кинфер и Шадек кривились, упирались, трясли знаками Школы, поминали Элор, Божиню, совесть и бдыщевую мать, но задержаться до утра согласились.

В кошельях у обоих теперь лежало по Кристаллу о четырех гранях. У Кинфера — темно-синий с голубыми искорками — магический, дающий скорое восстановление силы магу, связанному на воздушное начало. Шадек раздосадовался, что друг увидел этот Кристалл первым, но не отбирать же!

В сундучке у жреца в основном были мелкие камни, круглые, и назначения большей их части Бедота не знал. Не помог и соседский парнишка из тех, кто ходил через порталы и кое-как разбирался в Кристаллах. Зато он указал магу на другой четырехгранник — обережный, облегчающий пухлость и боль при пчелиных укусах. Шадек, страдавший непереносимостью пчелиного яда и в детстве однажды чуть не погибший от него, охотно принял камень в качестве платы.

Когда маги проходили мимо изгнанной со двора собаки, та прекратила чесаться, внимательно посмотрела на Шадека, поднялась и деловито потрусилась следом. Парень оглянулся на неожиданную компанию — комок грязно-белой шерсти, полной репьев, потешная умная морда, любопытно торчащие уши. Шадек посвистел, протянул руку — псина остановилась и отвернулась. Маг пожал плечами и зашагал дальше.

После разговора с водником друзья заскучали. Четыре дня назад они выехали за ворота Школы, в которой были почти что заперты целых шесть лет, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Месяц отъезды раз в год — это очень мало для того, чтоб увидеть мир! К тому же Кинфер, как бы там ни было, пересекал за это время весь Ортай по дороге до Эллора (пусть второпях, под приглядом родителей, но все же), да и сама жизнь в Эллоре, отличающаяся от домашней и школьной, отчасти могла утолить жадный до впечатлений ум. А Шадек — тот был вынужден и во время отъездов оставаться в Школе, как все ученики, которых больше не желали видеть в родном доме.

Теперь же впереди лежал целый мир, который за истекшие годы просто обязан был стать интересней и больше. А возможности обученных магов делали изучение этого мира сказочно увлекательным делом! Впервые в жизни предоставленные сами себе, очень взрослые и ни от кого не зависящие, Кинфер и Шадек ожидали впереди восхитительных открытий, и томительное шатание по сельской улице вовсе не относилось к таковым.

От каждого плетня друзей провожали любопытные взгляды: пришлые люди, из большого города, да еще маги, победители огня, с которыми заговорили вредные призорцы, — о таких гостях селяне много лет будут добрым словом вспоминать. Но некоторые мужчины поглядывали недобро, там и сям собирались группами, шушукались. На Шадека это не производило никакого впечатления, Кинфера же

тревожило. А само состояние тревоги его раздражало как недостойное эллорского эльфа.

— Откуда столько порицания в их глазах? — проворчал Кинфер, когда маги прошли мимо троих селян. Те при их приближении замолчали, а теперь провожали тяжелыми взглядами. — Они смотрят с такой укоризной, словно это мы перессорились с призорцами!

— Так они думают, что, если б продолжали ничего не знать, все как-то само утряслось бы. Теперь же им придется что-нибудь решать, и это будет неприятно. А они не хотят. Выходит так: мы побеседовали с водником, принесли в село плохую весть — появились люди, которые за это нас не любят.

— Не захотят ли они проявить эту нелюбовь, оторвав нам головы?

Шадек беспечно отмахнулся.

— У них и так забот хватает. К чему прибавлять еще пару взбешенных магов?

— Паре взбешенных магов не удастся справиться с десятком селян, — заметил Кинфер, исподлобья оглядывая улицу.

— А ты не говори им об этом. В случае чего — вывернем одного потрохами наружу, а остальные разбегутся сами.

— Разумно, — одобрил эльф и негромко забубнил заклинание.

— Паникер, — закатил глаза Шадек. — Не полезут они к нам. Они ж видели, как мы потушили пожар, с которым все село не могло справиться. Теперь они считают, что мы можем вообще все!

По тыльной стороне ладони эльфа пробежала белесая строчка и растворилась в пальцах.

— Не нужно путать излишнюю бдительность с предусмотрительностью, — в голосе Кинфера звучала легкая обида. — Подвешенные заклинания еще ни разу не отянули мне руки, а вот выручали многократно. Да и тебя, мой друг, тоже.

— Верно, — легко согласился Шадек. — И все равно ты — паникер.

Друзья как раз проходили мимо забора, на котором почти висели две девицы. Волосы по плечам, на шее — бусы из дерева, на магов старательно не глядят. С каждым их шагом одна из девиц еще больше отворачивала голову — Шадек следил за ней заворожено: защемит шею или обойдется? Вторая девушка заправила волосы за острые уши, неестественно распрямляла плечи и делала вид, что не замечает поблизости никаких приезжих магов, о которых говорит все село. Выглядело это нелепо и забавно, и Кинфер не упустил случая показать, как правильно нужно задирать нос, пройдя мимо девушек с видом истинного, законченного и безнадежного эллорца.

Увязавшаяся за магами собака громко чихнула. Шадек расмеялся.

— Друг-эльф, ты пушишь хвост перед сельскими девками? Побойся Божию, тебя же Умма не простит!

Кинфер обернулся на эльфийку.

— Ничего я не пушу, много чести. А что до Уммы — так ее здесь нет.

— Ага, так ты страдаешь без своей доли обожания? Уже полдня никто не глядит на тебя с восторгом в глазах?

— Ты невыносим.

— Знаю. Ты говорил однажды.

Пройдя двор, тут же повернули обратно. Собака развернулась следом с таким выражением морды, словно оказывала магам огромную услугу.

— Шадек, ты им подмигиваешь!

— И что? Мне можно. Это ты у нас весь из себя эльф, погостишь в Эллоре и вернешься в Школу работать. А мне по трактам разъезжать, перебиваться, чем Божиня пошлет: парным молочком, колбаской домашней, девками деревенскими...

Не говори о затхлости печальной —
Гляди, как распускаются цветы!
И в голове не до конца нормальной
Рождаются бесстыдные мечты...

Кинфера перекосило. Шадек пнул ком земли и досадливо продолжал:

— Слушай, ну когда уже их голова вернется? Тут же немислимо скучно! Два десятка домов, полсотни человек и десяток переходов до ближайшего селенья, где все ровно такое же. Как люди тут живут всю жизнь, а?

— Не имею представления и не желаю знать. Но мы можем скоротать время, посвятив себя помощи ближним.

— Мы уже помогли, с водником поговорили. Мало?

Эльф помялся и, понизив голос, как о чем-то непристойном, ответил:

— Вообще-то да. Как единственные представители магического сообщества в этом забытом Божиней селе мы обязаны принести ему больше пользы. Думаю, требуется предложить помощь в разборе сгоревшего дома, как считаешь?

— Овощ им в помощь, — буркнул Шадек. — Копаться в золе и слушать бабий плач — это не интересно, не буду я заниматься такой ерундой. А еще в том доме валяется горелое тело. Оно испортит мне аппетит.

С соседней улицы донеслись рыдания.

— Во, вспомнишь солнышко — а тут и лучик, — кивнул в ту сторону Шадек. — Пойдем в дом. Я вовсе не хочу смотреть, как эту головешку потащат в божемольню.

Бедота поселил магов в своей хате, не доверил гостей сельчанам. Кое-кто с порицанием отнесся к такой заботе о приезжих, и не без причины. И наверняка была крупница правды в их обидных словах про то, что эти двое — не настоящие маги, а шалопаи беспутные. Однако и с Бедотой было не поспорить: путные или нет, а пожар затушили и водника

на разговор вызвали, а кто может больше — так пускай сделает.

— Один из самых омерзительных обычаев Ортая, — Кинфер последовал за другом. — Очень глупо и нечистоплотно оставлять тела на ночь в божемольнях. Какой в этом смысл?

— Ну как же: жрецы читают над ними молебства, души наполняются покоем и летят себе, привольные, прям под Божинин порог, где будут...

— Да знаю я, — сердито перебил Кинфер. — Но почему их тащат в божемольню? Туда же люди ходят, там дети учатся, там ромашка жжется — и тут нате: горелый мертвец! А откуда пришел этот глупый обычай закапывать мертвых? Невообразимо думать, что при селах разрослись другие поселения — с покойниками! А то легкомыслие, с которым их закапывают? Руки не вяжут, ноги не опутывают, клетку не ставят, а потом бегают по округе с воплями от своих мертвых бабушек, а поодаль некромант сидит-заливается. Дикость! То ли дело церемония прощанья у элорцев! Собирается вся община, приходят Старейшие, звучат родовые песни о возрождении и торжестве жизни. И душу умершего забирает в чертоги дух самого Эллора, а прах развеивается под старейшим дубом леса...

— Красиво, — согласился Шадек.

— К тому же там никогда не жили призорцы, — продолжал Кинфер. — И безобразия, подобные здешним, просто немислимы в благословенном крае исконцев!

— Мне прям захотелось родиться эльфом и тут же помереть в Эллоре, — кисло протянул Шадек. — Шагай давай, цаца ушастая, представитель магического сообщества. Сам-то небось не побежал никому помогать, а? И носит же ортайская земля таких зазнайцев!

* * *

С возвращением сельского головы порядка не прибавилось. Из соседнего села, где проводилось первое окуривание его

единственного внука, Ухач вернулся смурной и в изрядном подпитии. От ромашкового дыма внук орал дурниной, что считалось нехорошим знаком, и пережить подобное без кружки сидра Ухач не смог. С собой в дорогу взял плетенку наливки, которую и приговорил по пути.

Вернувшись домой и выслушав новости, голова разъярился окончательно. Он требовал сей вздох прекратить nepотребства и навести порядок, дать воднику все, чего тот пожелает, и не сметь давать ему ничего, страшно хмурил кустистые брови, махал кулачищами, топал ножищами и орал так, что цепные псы по всей улице виновато прижимали уши. Селяне бы тоже прижали уши, если б умели.

Маги слушали, не высовываясь со двора. Они сидели на поваленном стволе старой яблони, скрытые забором. Кинфер рисовал на земле сухой веточкой, Шадек выбирал репы из хвоста собаки, которая так и не пожелала расстаться с магами.

— Из каких соображений они выбрали своим головой столь глупое животное? — тихонько ворчал эльф.

Меж тем Ухач переключился на магов, веля сей вздох подать их пред свои замутненные очи и заставить держать ответ: отчего не договорились с водником по-хорошему? Почему не помогают разбирать сгоревший дом? Не ходят по селу и не спрашивают, кому нужна помощь? Словом, что это за маги, которые не ищут, где бы пригодиться?

Бедота на это отвечал, что маги следуют по пути жизнепознания как считают возможным, и случайным людям не судить об этом.

— Жрецы, — Шадек сильно дернул очередной репей и цыкнул на рыкнувшую собаку, — все одинаковые, одно и то же торочат. Маги, любимые дети Божини, путь жизнепознания, особые возможности для помощи людям, тьфу! Спасибо, хоть не кнутом гонят по этому пути, с них бы стало!

Бедота с улицы, будто услышав слова Шадека, подхватил:

— Ибо сказано в Преданиях: «Всякий маг должен осознанно прийти к пониманию своего назначения и не годится наставлять его рьяно. Ибо тот, кто действует по принуждению, не отдает себя от души и всегда несчастен. И лишь тот, кто выстрадал свой путь и желает его, не отступится ни перед чем и не свернет с дороги»!

— Как вы достали, — сказал Шадек забору, за которым вешал Бедота. — Шесть лет не было в Школе спасенья от этого нудежа, теперь здесь начинается!

— Молодые они еще, — продолжал жрец, — жизнью не битые, чужой боли не понимающие. То ненадолго. Дорога их быстро изменит, ибо поймут, какой дар держат в руках.

— Что не битые — это верно, — слышался густой бас головы. — Поучить бы надобно.

— Ты, Ухач, за своими грехами следи, о чужих не суди, — строго ответил Бедота. — Без всякой меры ты хмельному обрадован, а что в Преданиях сказано про это?

— Сказано, что всякий любитель чрезмерных жизненных сладостей будет в посмертии мучим в речке медовой, дабы сладость ему опротивела, — как по писаному отекачил Ухач. — Только где ж чрезмерность? Это так, сластишка. Самая крохотка в жизни-то нашей, что горше полыни.

Кинфер что-то буркнул, раздраженно затер нарисованное и тут же начал заново.

— Опять не туда заехали, — слышался из-за забора третий голос, и еще два десятка других согласно загудели, — маги, сласти, хмель — это все подождет, не сбежит. Ты скажи, Ухач, как поступить с призорцами. Никто свою скотину в жертву давать не хочет, а только дальше жить так не можна. Тебя ждали, чтоб рассудиться, договориться, к порядку прийти. Вот ты приехал — и где он, порядок?

Тут же встряли несколько женских голосов. Каждая селянка объясняла, отчего именно ее козу никак нельзя приносить

в жертву и почему всему селу от этого только хуже станет. Голоса становились громче, визгливей, заглушали друг друга и набирали постепенно такой страсти, что становилось ясно: дело идет к применению самых убедительных доводов — выдергу кос.

В ближайших дворах оживились собаки, неуверенно пытались подвывать.

— Они наводят на меня глубокую тоску, — заявил Кинфер, забросил свою веточку в заросли малины у маленькой беленой хаты и разлегся на яблоневои стволе, закинув руки за голову. — Слышишь, что орут? Козу не дадут, теленка не позволят, да пусть этот водник, да чтоб тому лешему... И заметь: не прошло еще и полдня, как эти самые люди ходили бледными, смотрели на нас большими печальными глазами, а призорцев упоминали исключительно придуренным шепотом. Скажи, Шадек, как с ними можно договориться, если у них в головах такой кисель? Или у призорцев тоже кисель?

— Да все они тут хороши, — отмахнулся Шадек и принялся чесать собаку за ушами. — Ты как знаешь, а я утром дальше поеду. Не договорятся — да и демонова мать с ними. Не хочу ничего знать, пусть их тут хоть огненным дождем накроет.

Кровь да мрак вокруг,
Зеленел ивняк,
Муху жрал паук,
Умирал скорняк.

Кинфер скривился так, будто у него заболело все разом.

— Шадек, откуда у тебя прорезались наклонности к рифмованию? Паршиво же получается.

— Нет у меня никаких наклонностей. Я лишь при тебе рифмую — тебя потешно перекашивает. Потому как знаешь,

эльф, ты стал еще больше невыносим после того, как привез из своего Эллора эти душевные стишки.

— Вот оно что, — к Кинферу вернулось его обычное состояние невозмутимости. — А зачем тогда ты поехал вместе со мной, таким невыносимым?

— Мы же друзья, — смиренно отвечивал Шадек и легонько щелкнул собаку по носу. — Друзей не бросают, даже свихнутых. Да и привык я к тебе за эти годы. Кроме того, на юг больше никто не ехал: Оль поперся на восток, Умма осталась на западе, а...

— Шадек, память меня пока еще не подводит, — перебил Кинфер негромко. — Я помню, кто куда поехал. И понял, что твое восприятие прекрасного пребывает даже не в зачаточном состоянии. Его вообще нет. Даже в шутку невозможно оскорблять сравнением эльфийскую поэзию и твои мерзкие рифмовки...

Жрец вернулся домой уже в сумерках и сообщил: селяне так ни до чего и не договорились, а Ухач, страдая головной болью, махнул на все рукой да отправился спать.

* * *

Ночью в селе никто не сомкнул глаз.

С наступлением темноты поднялся ветер — шальной, небывалый. Он с воем носился по дворам и до хруста бросался на окна. Ронял деревяшки, которыми на ночь были прижаты двери курятников. Словно живой, колотил по висящей на заборах утвари.

В двери и ставни стучало, дробно и звонко. Было слышно, как в садах ломаются ветки.

Перепуганным людям слышался цокот копыт и тяжелые шаги вразвалку, блажился шепот и скрип.

После полуночи показали себя и домашние призорцы.

В сенях падали тяпки и билась посуда, открывались и хлопали ставни, печи выбрасывали из топок тучи уличной пыли.

Селяне трясущимися руками пытались разжечь больше светильников, но огонь в них трещал и гас. Дети заходились криком.

Жрец, пригибаясь от ветра, носился по двум улицам с дымящимся венником ромашки. Во дворах ему под ноги лезли корни и сучья, калитки прихлопывали пальцы или вовсе не открывались. Потом ветер нагнал колючий холодный дождь, и охапка сухих цветов в руках Бедоты размокла и потухла.

Дворовые псы скулили и плакали по всему селу. Коты жалась по углам в сенях и на чердаках, злобно шипели, следя глазами за тем, чего не видели люди.

Сельчане металась в домах, натыкались в темноте друг на друга, пугались, ругались, снова пытались разжигать светильники. Как никогда истово поминали Божиню вперемешку с воззваниями к призорцам: все, все отдадим, что скажете, только уймитесь!

Кинфер и Шадек Божиню не вспоминали, но ругались за четверых. Уставили всю комнату магическими щитами, бегали от окна к окну и подпрыгивали, когда в сенях гремели ведра. Собака тихо и неуверенно порывивала из угла.

— Молния, Шадек! Гроза!

— Что-то в дверь колотит!

— Это гром!

— Нет, это с улицы!

Снова сверкнуло, зарокотало. Опять послышался стук в дверь.

— Говорю тебе, гром!

— Да нет же, стучат!

— Хочешь открыть?

— Не дожدهшься!

Было слышно, как дверь отворилась, громче стали звуки дождя и ветра.

— Да это ж Бедота вернулся, — сообразил Шадек и толкнул дверь в сени.

Жрец уже был внутри и, причитая, расталкивал ногами ведра. Они катались по полу и никак не давали ему пройти в дом. С одежды и длинных седых волос Бедоты натекла лужа.

— Утром к речке пойдем, — отрезал жрец и с силой пнул самое большое ведро.

С улицы отозвался гром. В завываниях ветра слышался хриплый смех.

Призорцы утомонились только к утру. Закончился дождь, перестали хлопать ставни, утихли шепотки и стуки.

В наступившей тишине людям было еще беспокойней, всюду они ощущали на себе злые взгляды, жались друг к другу и боялись высунуться даже на собственное подворье. Все были уверены, что ночное ненастье только взяло передышку, и в любой вздох снова набросится на село — вот только хозяин прикажет.

И все же с рассветом встрепанные, осунувшиеся сельчане покинули свои дома, гуськом потянувшись к берегу.

Впереди выступали Бедота, Ухач и маги. Голова тащил на веревке теленка, хмуро поглядывал по сторонам. Глаза у него были красными, веки — опухшими. Рядом с Ухачем шагала худая простоволосая баба, вела за рог козочку. Та тянула хозяйку в сторону, где аппетитно зеленела росистая травка, получала пинка по тугому боку и снова упрямо тянула. Следом, ежась от утренней сырости, брели остальные сельчане. Дома оставили только молодух и детей, собрав всех вместе в самой большой избе и наказав в случае чего немедленно бежать к реке.

Водник вынырнул в тот же вздох, когда подошли люди, — как будто подгадывал. Появился на середине реки в пенных брызгах, прокричал «Ого-го!» и рванул к берегу. Шадек в первый вздох удивился такой стремительности и тому, что водник на глубине реки торчал из воды почти по пояс, но потом разглядел под речной рябью очертания гигантской рыбыны. Сегодня водник оседлал своего сома.

— Вот это дядьке почет уважительный! — трубно радовался рыбглазый, а сом под ним выписывал кренделя под водой.

Селяне охали, переглядывались, бабы бесшумно всплескивали руками. Чешуя сома то проявлялась проблеском, то вновь потухала, и было ясно лишь то, что рыба здорова. Водник хохотал, его хвост взвивался над водой, чешуя блестела, словно ее нарочно начистили.

— Ну хорош вертеться, голова кружится! — заорал Шадек. — Давай договариваться! Вот тебе коза, вот тебе теля — куда заносить-то?

Сом навернул еще один круг, и водник спрыгнул с его спины, подплыл ближе к берегу, как в прошлый раз. Оглядел довольным взглядом толпу селян. Те почтительно наклонили головы.

— Животины — то не для меня. Ведите козу к лесу, теля — на ближний пригорок, к лужку. А по моим счетам иной мерой плачено будет.

Ухач и баба, державшая козу, переглянулись, кивнули друг другу и повели животных через толпу.

— А как знать, помогут ли жертвы? — подал голос Бедота. — Не станут ли призорцы злобствовать без причины? Мы, конечно, согласные взяться за ум, наладимся жить как заведено. Но вот что выходит: они нас могут держать в строгости, а кто ж будет держать в строгости их?

— Вопрос доверия, — Шадек выглядел спокойным, хотя ночь далась магу нелегко. — Сам же говоришь: будете жить так, как заведено. Прадеды доверяли призорцам — и вы причайтесь.

Водник стоял, уперев рыхлые руки в толстые бока, улыбался во всю пасть. Ветер гнал к берегу рябь и тинную вонь.

— А ведь друг-багник не зря приговаривал: мол, будет и в твоём омуте нерестилище! Вот так оно и сложилось-то: стал я водником, моя власть, мое слово!

Селяне переминались с ноги на ногу, заискивающе поглядывали на рыбоглазого. А тот смотрел на одного — на жреца.

— Ты что, не признал меня, Бедота?

Жрец охнул. Водник вздохнул с прибулькиванием.

— А ведь я жизнь свою вручил твоему слову-то. Вот где был этот, как его... вопрос доверия. Жизнь человечья не коза жертвенная! Я плавать-то не умел? Не умел. А ты чего обещал, Бедота? Что вытащишь меня. Обещал же?

— Василий?!

— Баси-илий, — передразнил водник. — Он еще сумлевется, гляньте! Так много душ перетопил, что всех и упомнить не можешь?

На негнущихся ногах жрец сделал три шага к воде, подался вперед. Полными ужаса глазами оглядел рог, чешую, желтые рыбы глаза, вспухшее серое тело.

— Василий.

Да так и рухнул на мокрый песок у воды, словно его ударили под колени.

Все дальнейшее отложилось у Шадека в памяти ясно и красочно, будто нарисованное.

Вот селяне отступают, еще дальше отходя от жреца, как бы говоря воднику: мы не с ним, мы ни при чем! Рыбоглазый брезгливо выпячивает губу. Бедота стоит на коленях, опустив голову, повторяет и повторяет:

— Я не хотел, не хотел, не хотел!

— А я-то как не хотел! Ох и жутко было, Бедота! Когда вместо воздуха вдыхаешь водицу — как в груди-то горит! Ноги сводит, пальцы горло дерут, в груди рвется, а вода сверху давит, и солнце мутнеет все дальше, а после — темнота, тишина. И раки. Знаешь, Бедота, чего делают раки? Нравятся тебе мои новые глаза?

В хриплом голосе водника — злость, и боль, и безысходность, и Шадеку кажется, что рыбоглазый упивается ими.

Жрец качается из стороны в сторону, седые растрепанные пряди закрывают его лицо.

— Полвека прошло, Бедота. Каждый день я помнил тебя, а ты-то меня и признал не сразу. Оно, конечно, — водник издевательски растягивает слова, — водица сильно людей меняет, а уж за полвека-то!

Пальцы Бедоты зарываются в мокрый песок, мимовольно сжимают его в горсти.

— Я помнил, Василий, всегда помнил, всей жизнью желал испустить...

Через толпу сельчан проталкивается вернувшийся Ухач, не замечая, как замерли люди, непонимающе глядит на жреца, врывается в зудящую тишину громким:

— Ну а ты какую жертву хочешь, дядька-водник?

Вопрос падает, словно палаческий топор, и у Шадека сжимается в горле.

Рыбоглазый молча поднимает руку.

Бедота вздрагивает, как от хлесткого удара, с трудом поднимает голову. Он знает, что увидит, но, когда видит, замирает. Глядит на шишковатый бледный палец с длинным кривым ногтем.

Он указывает на жреца. Водник смотрит на него в упор, и холодные желтые глаза пылают огненным жаром.

— Пойдешь ко мне в услужение — выживет село, заморимся, сладимся. Встанешь да уйдешь — не дам житья никому! Воду вытравлю, заморю сухостью! Людей топить стану, и каждого утопарем супротив села выставлю!

— Чего?! — негодуяще ревет Ухач, но на него никто не глядит.

Бедота утыкается лицом в ладони, бездумно растирает по щекам влажные песчинки.

— Слово мое невозвратно.

Ветер шелестит в камышах, чешуя на висках водника топчется, голос катится над берегом.

Жрец медленно поднимается и тут же начинает клониться на бок. Селяне отшатываются, но Бедота, оступившись, выравнивается. Расправляет плечи, поднимает голову и мелкими шажками идет в воду, неотрывно глядя в желтые рыбы глаза.

— А ну вернись! — орет Ухач и рвется следом, но мужики хватают его сзади за локти.

Бедота медленно заходит в реку, и водник протягивает к нему руки, словно хочет обнять, впивается пальцами в шею и горло, и видно, как напрягается тело жреца, а потом — тяжелый плеск, хлестнувший по воде коровий хвост и тень огромной рыбины, ушедшей следом за хозяином на глубину.

На плечо Шадека ложится тяжелая рука, ледяная даже сквозь рубашку. Маг шарахается.

— Поехали отсюда, — лицо у Кинфера непроницаемое, бескровное. Глаза — как слежавшийся весенний лед. — И брось что-нибудь в реку на прощание. Что-нибудь такое, чтоб никогда сюда не возвращаться.

* * *

Чем дальше от села уезжали маги, тем меньше оставалось от липучего ужаса, от тяжелой безысходности, от колкого чувства вины. Лес был светлым, ярким, дразнил запахом молодых листьев, делился безмятежным весенним теплом.

— Собаку Мавкой назову, — заговорил наконец Шадек. Он бодрился, но голос у него подрагивал. — Будет напоминать мне о первом послешкольном приключении.

Серый ледок в глазах Кинфера понемногу оттаивал, но лицо по-прежнему напоминало восковой слепок.

— Ты хочешь вспоминать о нем? А я бы предпочел забыть, как ночной кошмар. Этот водник, все эти призорцы такого страха на меня нагнали — признать совестно. И жреца жаль.

— Жаль, — согласился Шадек. — Он был зануда, но хороший мужик. Хотя и дурак при этом. Что ему стоило взять да уйти, а?

Эльф мотнул головой.

— Ты ж сам сказал: дурак он. Нет, а мы с тобой? Мы же должны были что-то сделать?

— Что? Прибить водника? Мы бы не смогли, это ж призорец! Да и селянам без него бы лучше не стало. Кто б им реку чистил, рыбу растил, утопарей держал в узде?

— Слова не мага, но душегубца, — поморщился Кинфер. — Я не сказал, что нужно было убивать его. Но поговорить, разубедить, придумать другой путь.. Мы должны были отыскать способ успокоить водника, тем самым утвердив людскую веру в могущество магов. А мы что?

— А мы ничего, — сердито ответил Шадек. — Что ты хочешь услышать? Я не представляю, как можно было разрешить их противоречия при помощи магии.

— Да и я не представляю. Вот потому и не хотел вмешиваться, с самого начала не хотел! Почему мы не уехали после пожара? Зачем втянулись? Теперь у меня такое чувство, будто я виноват перед всеми: и перед жрецом, и перед магической общиной, и перед селянами... Не стоило нам влезать в их свары с призорцами.

— Так мы бы и не влезали — нас на Кристаллы подманили.

— Несущественно, — уперся Кинфер. — Маг не должен браться за дело, где он бесполезен. А если взялся — обязан показать, что с магом лучше, чем без него. Или для тебя уважение к ремеслу — пустой звук?

— А то ты не знал! — Шадек хлестнул низко свисающую ветку. — Я когда-то давал причины думать иначе? А вот что ж ты, такой ответственный, ничего не сделал, а? Выпятил эллорца, сел на гузно и жмурится солнышку, цаца эльфийская!

— Я думал. Думал, как нам выкрутиться, не уронив чести магической общины.

— И как, надумал?

— Нет.

Шадек глянул искоса на покрасневшее ухо Кинфера и примирительно зачастил:

— Ну и пусть! Людям в таких местах лучше уметь ужиться с призорцами, чем рассчитывать на магов: призорцы вокруг них каждый день, а маг если завернет на огонек — так только заблудившись. Или по чистой придури, как мы с тобой... Я понял! Буду работать не дальше дюжины переходов от езженных трактов. А такие поселения в дальних краях — к лешему!

В тот же вздох мага огрела по затылку крупная шишка. Хотя лес был лиственный.

— Еще раз понял! К лешему не надо!

— Водники, багники, хлевники, банники, — Кинфер, поморщившись, щелчком сбил со штанов жука-листоеда. — Все это звучит как один из твоих противных Божине стишков.

Он сидел в седле с очень прямой спиной и таким выражением лица, словно находится на званом приеме, а не в лесу на краю Ортая.

— Или как вся та жуть, что на нас напустили после первого года учебы, ага?

Так вспомним же, мой друг, те годы,
Когда умели мы мечтать и верить,
И шли за круговертью небосвода,
Не замечая болей от потерей! —

с чувством продекламировал Шадек, — эх, какими дубинами мы тогда были — вроде и сам знаю, а все равно поверить не могу!

— Так нынче мы немногим лучше, — заметил Кинфер, помолчал немного и добавил: — И все-таки плохо у нас со жрецом получилось.

Фантомная травма

(пять лет до выпуска)

Вам приходилось видеть, как обучают магов в Школе? Немудрено, что выпускники столь безответственны.

Ученики, запертые в наполненном магами городе, не видят настоящей жизни, не касаются людских забот, мысленно не примеряют на них свой дар.

Мы хорошо учим этих детей магии, но почти не касаемся их разума и душ.

*Из записки, сопровождающей
предложения по изменению учебной
программы, которые не были одобрены*

К магическому поединку, как водится, привела сушая ерунда.

Четыре молодых мага сидели в библиотеке и обсуждали магистра Дорала, по большей части сходясь на том, что магистр — злой и нехороший троллий брат.

— Вот как он говорит, когда не хочет ничего объяснять? — спросила Умма, скорчила сердитую рожу и передразнила магистра: — Колдовство!

— Не так надо! — Оль развел руки, выпучил светлые глаза и прошипел: — Колдовство-о!

Умма и Кинфер рассмеялись.

— Точно так он и делает! — подтвердила магичка. — Я его спрашиваю: а как вы протащите в школу монстров? А как в учебной комнате найдется место, чтоб сдавать экзамен? А он и отвечает...

— Колдовство-о! — повторил Оль и развел руками.

Он был невысоким, белобрысым и крепко сбитым, с плавным простецким говором и немного неуклюжими движениями. Магистры считали парня тугодумом — зато он мог похвастать отменной памятью и почти всегда пребывал в благодушном настроении. Когда Оль принимался паясничать, это выглядело и само по себе потешно, и вдвойне — потому что передразнивал он очень похоже.

Поэтому снова рассмеялись все, кроме Бивилки — та хмурила тонкие бровки, отчего ее ореховые глаза казались черными, морщила нос, качала головой — словом, всеми способами показывала, что не одобряет подобных разговоров за спиной у магистра. Девушка сидела на широком деревянном подоконнике и болтала ногами, а когда наклоняла голову, слушая друзей, становилась еще больше похожей на встрепанную птичку.

— А если завтра кто-нибудь зашибется до смерти на его экзамене? Так он с той же приговоркой выдаст изломанное тело гробовщику, да и думать забудет! — с чувством закончила Умма.

— До смерти? — переспросил Кинфер, мягко развернул голову девушки щекой к окну, полюбовался профилем. — Ты паникуешь. Как обычно.

Умма мотнула головой, высвобождая подбородок из цепких пальцев эльфа, и отодвинулась на ладонь — потом на скамеечке закончилось место.

— Да? А если на тебя спустят медведя или упыря, а ты не отобьешься — что будет?

— Глупости говоришь, — эльф накрутил на палец прядку светлых волос Уммы и смотрел, как на ней играет свет, — зачем ему спускаться на нас упырей и медведей?

— Дорал верит в опытный подход, — без улыбки напомнила со своего подоконника Бивилка. — Что написано на дверях его учебной комнаты?

Снова голос подал развалившийся за писчим столом Оль:

— Там написано: «Оборонная магия — нужный предмет: с нею ты маг, без нее ты паштет!»

Кинфер обернулся к Олю:

— А ты что думаешь? Дорал может спустить на нас медведя?

— Ну, как по мне, не шибко дивно, если медведь будет бешеный.

Эльф нахмурился.

— Вы сговорились нести ерунду? Это только базовый курс, а у нас своих, основных еще четыре штуки. — Кинфер поглядел на кислые лица друзей и добавил: — На боевых магов Дорал еще может спустить медведей, а нас гонять не станет.

— Он всех гоняет, — уперся Оль, — целителей — и тех вон...

— Правильно делает, — влезла Бивилка. — Упыри и медведи нападают на всех, а не только на боевых магов!

— Но мы же первогодки! С нами так еще нельзя! К тому же он опекатор нашей связки, а не просто наставник. Разве опекатор может нас утробить?

Гулко грохотнула дверь, заскрипели петли, затем раздался такой звук, будто кто-то перецепился через высокий деревянный порожек — в библиотеке появился Шадек.

— Бдыщевая деревяшка! — заявил он порожку. — А вы чего сюда забились? Учились плохо? Не заслужили вылазки на природу перед экзаменом?

Бивилка скорчила надменную гримасу.

— Будешь так задирать нос — споткнешься, дорогуша, — сказал ей Шадек.

— А ты сам-то поедешь или послушаешь свою совесть? — не осталась в долгу Бивилка. — Тебе ж, разгильдяю, все равно не сдать экзамена — значит, и прогулки тебе не положено!

— Это я-то не сдам экзамен? — Шадек сделал два размашистых шага и навис над Бивилкой. — Да я с ним только так расправляюсь, дорогуша! Даже хворым, сонным и стоя на одной ноге с завязанными глазами, ясно тебе?

Бивилка снова скорчила рожищу. Шадек обернулся к друзьям:

— Вы видите, да? Если не сбить с нее три горсти спеси — она завтра до учебной комнаты не доберется. Как ты смотришь на поединок, дорогуша?

— Не называй меня дорогушей! — Девушка принялась было слезать с подоконника, но была остановлена повелительным окриком Оля:

— А ну сидеть, Билка!

— Оль, — укоризненно протянула Умма.

— Ничего не «Оль»! — отрезал парень. — Какой еще поединок? Где им тут безобразничать, а? Снова стопчут весь укропчик на заднем дворе? Или вновь устроят свою возню в саду, еще охапку веток нашинкуют? Нет? Может, опять побегут на пустырь за городской таверной и устроят там новое пожарище? И кому опять влетит? Снова нам всем? Дудочки! Сидеть, Билка!

Девушка виновато улыбнулась и снова принялась махать ногами.

— А мы в лесу подеремся, — решил Шадек. — Как тебе мысль о полуночной прогулке в моей компании, дорогуша?

Бивилка немедленно покраснела. Кинфер прыснул. Шадек хлопнул в ладоши:

— Собирайтесь, бесценные! Нас ждут вредные магистры, долгая поездка, целая ночь на природе и еще что-нибудь забавное. Наверняка!

* * *

Бивилка всегда собиралась долго. Невообразимо: она в единый вздох находила верные заклинания, ингредиенты и ответы на заковыристые вопросы магистров, но выбор одной юбки из трех ежедневно ставил ее в тупик.

Из двух путей (помочь Бивилке или непрестанно ее потопрапливать) Умма выбрала третий: открыла окошко, улеглась животом на широкий подоконник и наблюдала за происходящим во дворе, шурясь на солнце. Оно устроилось точно над башней восточного крыла Школы, прямо напротив комнаты магичек.

Умма вытянула шею, сиюсья разглядеть кусты под окнами. Со второго этажа видно было плохо, но, кажется, иглушки уже выкинули бутоны. Непременно завтра по возвращении нужно будет сорвать несколько штук да засушить впрок, для настоек.

От ворот донесся бодрый рывк: магесса Шава вела в Школу группу новичков. Их было пятеро: четыре подлетка и взрослая женщина. Начать обучение в Школе можно было в любом возрасте, но так повелось, что маги обычно приезжали сюда в пятнадцать лет, когда заканчивали обучение у жрецов при божемольнях.

— Живее! Кучнее! — командовала гостями магесса.

Умма стала гадать: сколько из этих пятерых останутся — двое, трое, ни одного? Многие маги, приехавшие в Тамбо — город, где находилась Школа, — после разговора с магистрами шли на попятный. Нежданно обнаруживали, что здесь ждут не медовые пряники, а выматывающие занятия, требовательные наставники, строгие правила, и все это на протяжении шести лет.

Умма и сама в первые дни хотела сбежать отсюда, хотя бежать ей было некуда. Но со временем полюбила Школу. Ее узкие коридоры и высокие потолки, запах пыли в библиотеке, магический огонь, денно и ночью горящий в стальных нишах. Необычные фигурные окошки и плодовые деревья у ворот, уютные учебные комнаты и большие прохладные залы для общих занятий. Вечерами во всей верхней части самой высокой башни зажигают несчетное число огней, и тогда кажется, что над городом Тамбо парит величественный пылающий призрак. А когда пробираешься среди ночи в какой-нибудь укромный уголок, на тебя смотрят вырезанные

прямо в стенах лица выдающихся магов прошлого, и кажется, что одни осуждающе прикрывают глаза, а другие ухмыляются в свои каменные усы.

Одно тут не нравилось Умме и Кинферу — отдельные жилища для магов и магичек, разнесенные по разным крыльям Школы и защищенные магическими барьерами от неутвержденных посещений.

Когда Умма пришла в Школу, у нее появился не только новый дом, но и друзья. Впервые.

— Ты чего пыхтишь? — Бивилка бросила на кровать рубашку, шерстяную юбку и курточку, снова нырнула в сундук.

Они заканчивали первый год обучения, уже хорошо понимали свои возможности и редко задумывались об ответственности, и всё, чем они занимались в Магической Школе, конечно, должно было обеспечить им интересную и необыкновенную жизнь, полную удивительных приключений.

Когда тебе четырнадцать, пятнадцать или даже шестнадцать лет — будущее может быть только таким и никаким более.

Вредный магистр Дорал утверждал, что даже выпускники, эти очень-очень взрослые маги «подвержены тем же опасным заблуждениям, потому что мы заперли их здесь, как наседок в курятнике, и готовим к чему угодно, но не к жизни в большом мире».

Вспомнив свои первые дни в Школе, Умма вдруг подумала, что там, за привычными и надежными стенами — огромный сложный мир, с которым она так и не научилась уживаться. И жалобно спросила:

— Бивочка, а что мы будем делать после Школы?

— Нашла о чем печалиться, — отмахнулась подруга, — до того еще пять лет!

Умма и Бивилка были одновременно и похожими, и очень разными. Обе невысокие, тоненькие, светловолосые, но Бивилка — щуплая, блеклая, с вечно разлохмаченной соломенной косичкой и мелкими чертами лица, а Умма — точеная, гибкая,

с роскошными густыми волосами и сияющим глубоким взглядом. Бивилка походила на шустрого воробушка, а Умма была красавицей — не хуже эллорских эльфиек, как уверял Кинфер. Это не мешало искренней дружбе двух молоденьких магичек: Бивилка была не завистлива, а Умма — не горделива.

Непохожими они были и по натуре. Умма — осторожная, спокойная, не любящая потрясений. Бивилка — любознательная, целеустремленная и очень рассудительная для своих четырнадцати лет. Сказывалось бабушкино воспитание.

— Но куда мы пойдем после Школы? — жалобно спросила Умма.

Гости одолели двор, и девушка сползла с подоконника.

— Куда захотим, — Бивилка пожала плечами. — Или куда назначат. А что?

— Там, снаружи, все другое, — Умма вздохнула и обернулась на ярко-голубое небо. Небо было совершенно безмятежным и на ее тревоги желало плевать.

— Прорвемся, Уммочка, — уверенно заявила подруга, — мы ж маги!

— Колдовство! — повеселела Умма и красивым пассагом сотворила на подоконнике фиолетовый цветок с мясистыми листками. Подергала его за лепестки. Цветок стал обиженно таять.

— Целый год учебы, — в комнату мягким кошачьим шагом скользнул Шадек, — целый год труда. Сколько новых знаний, перчитанных книг, доведенных до икоты магистров! Не сосчитать, не повторить. А твои фантомы, Умма, все такая же вялая дрянь!

Девушка возмущенно выпрямилась, уперла руки в бока.

— А статья неподражаема, — поднял ладони Шадек, — кто б спорил!

Умма махнула рукой. Шадек двинул пальцами, и подушка, не долетев до него, зависла в воздухе.

— Вот явится сюда магесса Шава да надает вам промеж рог за колдовство в жилом крыле, — Бивилка захлопнула крышку сундука и с укоризной посмотрела на друзей.